

**Конференция участников
Конвенции Организации
Объединенных Наций
против транснациональной
организованной преступности**

Distr.: General
12 May 2020
Russian
Original: English

**Рабочая группа правительственных экспертов
по технической помощи**

Вена, 9 и 10 июля 2020 года

Пункт 3 предварительной повестки дня*

**Применение Конвенции Организации Объединенных
Наций против транснациональной организованной
преступности в национальной судебной практике**

**Применение Конвенции Организации Объединенных
Наций против транснациональной организованной
преступности в национальной судебной практике**

Справочный документ, подготовленный Секретариатом

I. Введение

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности со своими 190 участниками имеет почти универсальный характер. С момента своего принятия 20 лет назад она служит для государств-участников основой международного сотрудничества в борьбе с транснациональной организованной преступностью и требует от них принятия мер по приведению их законодательства в соответствие с требованиями Конвенции. На этом фоне важно рассмотреть вопрос о том, каким образом Конвенция фактически формирует национальную судебную практику. Цель настоящего справочного документа заключается в изучении этого вопроса с помощью выдержек из соответствующих текстов прецедентного права, большинство из которых доступны на информационно-справочном портале Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН) «Распространение электронных ресурсов и законов о борьбе с преступностью» (ШЕРЛОК)¹.

2. Документ разделен на пять широких областей: а) национальное применение определений, содержащихся в Конвенции против организованной преступности; б) национальное применение положений Конвенции о криминализации; в) судебная практика, связанная с положениями Конвенции, касающимися юрисдикции; г) судебная практика, касающаяся положений Конвенции о конфискации; и е) судебная практика, касающаяся положений Конвенции о международном сотрудничестве.

* СТОС/COP/WG.2/2020/1.

¹ <https://sherloc.unodc.org>.

II. Национальное применение определений, содержащихся в Конвенции об организованной преступности

3. Для целей Конвенции против организованной преступности в статье 2 содержатся определения ряда ключевых терминов. Хотя государства не обязаны включать правовые определения этих терминов в свое внутреннее законодательство, определения, содержащиеся в Конвенции, разъясняют и дополнительно определяют сферу применения и юридическое действие положений Конвенции. По этой причине эти определения были изучены в некоторых областях национальной судебной практики.

4. В Конвенции об организованной преступности «организованная преступная группа» определяется как структурно оформленная группа в составе трех или более лиц, существующая в течение определенного периода времени и действующая согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений, с тем чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду (статья 2 (а)). Для целей Конвенции «структурно оформленная группа» определяется в отрицательном смысле и означает «группу, которая не была случайно образована для немедленного совершения преступления и в которой не обязательно формально определены роли ее членов, оговорен непрерывный характер членства или создана развитая структура» (статья 2 (с)).

5. В резонансном деле *Mathias Ortmann v. United States of America* 2017 года Соединенные Штаты запросили выдачу нескольких лиц из Новой Зеландии в Соединенные Штаты. Высокий суд Новой Зеландии рассмотрел основные определения, содержащиеся в Конвенции об организованной преступности, и то, каким образом они были перенесены во внутреннее законодательство Новой Зеландии. Основной вопрос, требующий прояснения, заключался в том, может ли Конвенция использоваться в качестве правовой основы для выдачи, запрашиваемой Соединенными Штатами.

6. В этом деле лица, подавшие апелляцию, как утверждалось, являлись «членами всемирной преступной организации, которая занималась преступным нарушением авторских прав и отмыванием денег в массовых масштабах с предполагаемым ущербом для правообладателей, значительно превышающим 500 млн долл. США. ...Это дело было названо одним из крупнейших уголовных дел по авторскому праву, когда-либо возбуждавшихся Соединенными Штатами».

7. Соединенные Штаты добивались выдачи лиц, подавших апелляцию, для привлечения их к судебной ответственности по 13 пунктам, включая сговор с целью рэкета; сговор с целью нарушения авторских прав; сговор с целью отмывания денег; и преступное нарушение авторских прав путем распространения готовящейся к коммерческому распространению в компьютерной сети объекта авторского права, а также содействия преступному нарушению авторских прав и подстрекательства к нему.

8. Ключевые вопросы заключались в том, являются ли лица, подавшие апелляцию, организованной преступной группой, как она определена в Конвенции об организованной преступности, участниками которой являются как Соединенные Штаты, так и Новая Зеландия, и являются ли предполагаемые преступления серьезными преступлениями, как они определены в Конвенции, т. е. преступлениями, наказуемыми в запрашивающем государстве лишением свободы на срок не менее четырех лет. Высокий суд Новой Зеландии постановил, что требования внутреннего законодательства Новой Зеландии, вводящие в действие Конвенцию, выполнены, и указал имеющиеся варианты выдачи. Тем не менее дело о выдаче все еще находится на рассмотрении в связи с апелляциями по другим вопросам.

9. В канадском деле *Regina v. Terezakis*, 2007 ВССА 384, Апелляционный суд Британской Колумбии обратился к Конвенции об организованной преступности при толковании раздела 467.1 Уголовного кодекса Канады, в котором, среди прочего, дается определение термина «преступная организация» применительно к преступлениям, связанным с организованной преступностью в Канаде. В данном деле обвиняемый в начале разбирательства судом присяжных признал себя виновным в совершении трех серьезных преступлений, связанных с наркотиками, и был признан виновным в преступных нападениях (трех с применением оружия) на 10 разных лиц, которые он совершил спустя несколько месяцев после совершения преступлений, связанных с наркотиками. В частности, Суд провел сравнение между определением «организованной преступной группы» в Конвенции и определением «преступной организации» в Кодексе.

10. В своем досудебном постановлении судья первой инстанции признала, что ссылка в Уголовном кодексе на преступную организацию как на группу, какой бы организованной она ни была, требует установления определенной формы организованности, однако она пришла к выводу о том, что это описание, по сути, не дает никаких указаний в отношении предельных размеров такой организации. Судья первой инстанции противопоставила формулировку в Кодексе сопоставимым положениям Конвенции об организованной преступности, которые повлияли на поправки 2001 года к Кодексу. Она отметила, что определение организованной преступной группы в соответствии со статьей 2 (а) Конвенции, согласно которому такая группа означает «структурно оформленную группу в составе трех или более лиц, существующую в течение определенного периода времени и действующую согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений или преступлений...», было заменено разделом 467.1, а именно определением: «группа, какой бы организованной она ни была, которая: а) состоит из трех или более лиц в Канаде или за ее пределами; и б) считает в качестве одной из своих основных целей или основной деятельности содействие совершению или совершение одного или нескольких серьезных преступлений». Судья первой инстанции отметила, что «исходя из формулировки определения [Организации Объединенных Наций] нельзя судить о том, что преступная организация является более крупной, чем те группы, которые в ее составе реализуют на практике или поддерживают цель группы по совершению серьезных преступлений или ее деятельность». Она пришла к выводу, что канадское определение «преступной организации» по существу не имеет ограничений, и сочла, что оно нарушает Канадскую хартию прав и свобод, поскольку является либо расплывчатым, либо чрезмерно широким. Она отметила, например, что такое определение может распространяться на тех членов группы, которые могут разделять невинную главную цель, но не разделяют цели содействия или совершения преступной деятельности, которой занимается какая-то часть группы, и действительно могут не знать об этой преступной деятельности.

11. Вместе с тем Апелляционный суд выразил несогласие и заключил, что определение преступной организации во внутреннем законодательстве страны соответствует Конституции. Апелляционный суд отметил, что содержащееся в Кодексе определение является функциональным с точки зрения общей цели или деятельности и необязательно соотнобразуется с какой-либо формальной структурой. Хотя в Конвенции об организованной преступности говорится о структурно оформленной группе, ее структура определяется таким образом, который не требует формального определения роли ее членов, указания на непрерывный характер членства или создания развитой структуры.

12. В другом канадском деле 2012 года *Regina v. Venneri*, 2 S.C.R. 211, Верховный суд Канады рассмотрел значение термина «преступная организация». При определении того, идет ли речь в этом деле о преступной организации, Суд обсудил степень организованности или структурности, которые требуются для обоснования вывода о том, что группа из трех или более лиц является преступной организацией в соответствии с Уголовным кодексом.

13. В ходе обсуждения были затронуты Конвенция об организованной преступности и содержащиеся в ней определения терминов «организованная преступная группа» и «структурно оформленная группа». Суд отметил, что, хотя Конвенция не требует наличия «развитой структуры», «организованная преступная группа» тем не менее должна быть «структурно оформленной». Эти выводы были использованы для обоснования применения положений канадского уголовного законодательства, регулирующих подход к деятельности преступных организаций. При дальнейшем обсуждении значения термина «преступная организация» Суд пришел к выводу, что, хотя для создания организованной преступной группы не существует «контрольного перечня», нельзя утверждать, что группы лиц, которые действуют на ситуативной основе с небольшим числом организаций или вообще без них, представляют собой тот тип повышенного риска, о котором говорится в Конвенции, и что структурно оформленный характер целевых преступных организаций отличает их от преступных сговоров.

14. Суд предостерег от использования контрольного перечня критериев для оценки того, обладает ли группа необходимыми атрибутами преступной организации. Он подчеркнул, что «суды не должны сводить сферу охвата этого положения к стереотипной модели организованной преступности, т. е. к весьма сложной, иерархической и монополистической модели». Некоторые преступные образования, не вписывающиеся в общеобязательную парадигму организованной преступности, могут тем не менее в силу своей сплоченности и выносливости представлять собой тот тип повышенной угрозы, который предусмотрен в законодательной схеме». Аналогичный вывод был сделан в канадском деле *Jothiravi Sittampalam v. Canada (Citizenship and Immigration)*: «Эти преступные организации обычно не имеют формальных структур, таких как корпорации или ассоциации, которые имеют уставы, внутренние регламенты или учредительные документы. Обычно они имеют весьма свободную и неформальную структуру, которая отличается большим разнообразием [sic]». Суд далее счел, что в этой связи «необходимо применять достаточно гибкий подход при оценке того, отвечают ли атрибуты конкретной группы требованиям» канадского Закона об иммиграции и защите беженцев «с учетом их разнообразного, меняющегося и подпольного характера».

III. Национальное применение положений о криминализации, содержащихся в Конвенции об организованной преступности

15. В Конвенции об организованной преступности признаются в качестве таковых четыре конкретных преступления, которые государства-участники обязаны признать уголовно наказуемыми в своем внутреннем законодательстве: участие в организованной преступной группе (статья 5), которое может быть признано уголовно наказуемым на основании преступного соглашения или вступления в сговор, либо преступной причастности, или того и другого; отмывание денег (статья 6); коррупция (статья 8); и воспрепятствование осуществлению правосудия (статья 23). Деяния, признаваемые в качестве таких преступлений, имеют важнейшее значение для успеха сложных преступных операций и способности преступников действовать эффективно, получать значительные прибыли и защищать себя и свои незаконные доходы от правоохранительных органов. В этой связи пресечение этих преступлений является краеугольным камнем глобальных и скоординированных усилий по борьбе с серьезными и хорошо организованными рынками, предприятиями и деятельностью, имеющими преступный характер. Приведенные ниже дела касаются главным образом отмывания денег.

16. Высокий суд Намибии в деле *The State v. Amos Henock and Others* 2019 года описал обстоятельства, приведшие к принятию в Намибии Закона о преду-

преждемании организованной преступности № 29 от 2004 года. Суд уделил особое внимание толкованию внутренних законодательных актов, вытекающих из международных соглашений, таких как Конвенция об организованной преступности, участником которой является Намибия.

17. По мнению Высокого суда, «при толковании законодательных актов суды должны стремиться толковать их в соответствии с международным правом. Кроме того, ...существует презумпция того, что парламент, принимая тот или иной законодательный акт, намеревался привести его в соответствие с нормами международного права. С этой целью Отделом по вопросам международных договоров Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности были подготовлены справочники для законодательных органов, которые, помогают толковать эти положения. При толковании адаптированных к местным условиям законов необходимо обращаться к руководствам для законодательных органов, особенно в тех случаях, когда в таких законах ничего не говорится об определенных аспектах».

18. При принятии решения по делу *Henock* Высокий суд рассмотрел девять дел с целью прояснения вопроса о дублировании обвинительных приговоров в соответствии с Законом о предупреждении организованной преступности. В каждом из этих дел лица были осуждены и приговорены за преступления, имеющие характер хищения (основное правонарушение), за исключением одного случая, когда основное правонарушение заключалось в получении похищенного имущества, а также нарушения либо раздела 4 (Соккрытие незаконного происхождения имущества), либо раздела 6 (Приобретение доходов от незаконной деятельности, владение ими или их использование) Закона.

19. Суд рассмотрел определение термина «серьезное преступление», содержащееся в Конвенции об организованной преступности, и пришел к выводу о том, что суровость наказания, предусмотренная Законом о предупреждении организованной преступности, подразумевает, что законодательная власть Намибии намеревалась признать уголовно наказуемым такое правонарушение, как отмывание денег, связанное с совершением серьезных основных правонарушений, в отличие от правонарушений, которые носят менее серьезный характер.

20. В своем решении суд дополнительно разъяснил применение Закона о предупреждении организованной преступности и постановил, что лицо, совершившее основное правонарушение может в равной степени заниматься отмыванием денег при совершении любых дальнейших действий в отношении имущества, являющегося доходом от незаконной деятельности. С другой стороны, раздел 6 применяется только к лицу, не совершившему основное правонарушение. Кроме того, поскольку элементы преступления, признанного таковым в соответствии с разделом 6, аналогичны элементам преступления в форме хищения, Суд постановил, что осуждение лица как за хищение, так и за нарушение раздела 6 будет равносильно дублированию обвинительных приговоров.

21. На Филиппинах в деле 2009 года *Eliseo D. Dela Paz and Maria Fe C. Dela Paz vs. Senate Committee on Foreign Relations and Senate Sergeant-at-Arms Jose Balajadia, Jr.*, 579 SCRA 521, Верховный суд заявил, что Филиппины являются государством — участником Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции и Конвенции об организованной преступности и что в этих двух конвенциях содержатся положения, касающиеся трансграничного перемещения значительных сумм в иностранной валюте.

22. Суд сослался на статьи 7 (1) и (2) Конвенции об организованной преступности и 14 (2) Конвенции против коррупции и подчеркнул, что положения Конвенции об организованной преступности требуют выявлять и пресекать все формы отмывания денежных средств, а также принимать все возможные меры для выявления и отслеживания трансграничного перемещения наличных денежных средств и других инструментов. Суд заключил, что обстоятельства этого дела имеют отношение к этим обязательствам, поскольку источник и назначение средств, находящихся в распоряжении подателей ходатайства, указывают

на попытки трансграничного перемещения денежных средств и возможное отмывание денег. Суд указал, что от той или иной стороны требуется расследовать поведение, выходящее за рамки обычного хода уголовного или гражданского производства, и что правительство обязано проводить внутренние расследования поведения публичных должностных лиц в рамках своих собственных процессуальных действий.

23. Во Франции Палата по уголовным делам Кассационного суда рассмотрела дело об отмывании денег (№ 18-83.541 от 2019 года) организованной преступной группой, состоящей из членов семьи. Апелляционный суд Версаля приговорил их к лишению свободы на срок от шести месяцев до трех лет. В этом деле были замешаны реальные и фиктивные компании, принадлежащие одному ответчику, но управляемых де-факто другими ответчиками. Ответчики настаивали на том, что решение Апелляционного суда Версаля не обеспечило правильного применения статьи 2 Конвенции об организованной преступности, утверждая, что статья 2 требует наличия структуры внутри организованной преступной группы и что Апелляционный суд, просто отметив тесные семейные отношения между ответчиками, не обеспечил правильного применения этого требования. Кассационный суд отклонил апелляцию и признал ответчиков виновными в преступлении, отягощенным фактом отмывания денег (т. е. совершенном организованной преступной группой).

24. В Сингапуре в деле 2011 года *Ang Jeanette v. Public Prosecutor*, SGHC 100, при обсуждении Закона о коррупции, незаконном обороте наркотиков и других серьезных преступлениях (Конфискация выгод) Высокий суд принял во внимание статью 6 Конвенции об организованной преступности, касающуюся отмывания денег. Суть апелляции заключалась в том, что для доказательства обвинения в отмывании денег прокурор должен был установить, что задействованные денежные средства на самом деле были получены преступным путем. Суд процитировал текст статьи 6 и отметил, что согласно Конвенции об организованной преступности и Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года «для того, чтобы кто-либо считался причастным к преступлению, связанному с отмыванием денег, на основании наличия преступного умысла, необходимо знать об этом». Формулировка «разумные основания полагать» (или любой эквивалент), включенная в Закон, «полностью отсутствует в обеих конвенциях. В общем случае, когда мы говорим, что человек что-то “знает”, мы пытаемся общаться с ним так, чтобы он субъективно осознавал реально существующее положение вещей».

25. Таким образом, Высокий суд установил, что, согласно четкой формулировке обеих Конвенций, «в соответствии с законодательством каждого государства-участника уголовно наказуемым деянием должно быть отмывание имущества, полученного в результате совершения преступлений или доходов от преступлений». Действительно, поведение, которое должно быть признано уголовно наказуемым в соответствии со статьей 6 (т. е. конверсия или перевод имущества, или сокрытие или утаивание подлинного характера, источника, местонахождения, способа распоряжения, перемещения, прав на имущество или его принадлежность), — это поведение, которое сопровождается осведомленностью о том, что такое имущество «получено в результате преступления» или «доходов от преступлений».

26. Далее Суд заявил, что вышеуказанный вывод подкрепляется статьей 3 Конвенции 1988 года, и отметил возможность предположения того, что цель обеих конвенций касается лиц, причастных к отмыванию фактических доходов от преступлений.

27. Затем суд сравнил Закон о коррупции, незаконном обороте наркотиков и других серьезных преступлениях (Конфискация выгод) с конвенциями и заключил, что, как представляется, раздел 44 (1) (а) Закона выходит за рамки законодательной базы, предусмотренной обеими конвенциями. Суд также заявил

следующее: «Крайне важно, что добавление к требованию “знать” формулировки “разумные основания полагать” значительно снижает порог наличия преступного умысла для преступления, связанного с отмыванием денег». Действительно, заявленная цель снижения жесткости требования о наличии преступного умысла заключалась в том, чтобы облегчить уголовное преследование за совершение преступлений, связанных с отмыванием денег, поскольку... «на практике доказательство наличия фактического знания трудно представить». В ходе парламентских дебатов по поводу принятия этого Закона основное внимание уделялось вопросу о снижении жесткости требования о наличии преступного умысла и вопросу о том, является ли это требование отступлением от обеих конвенций.

28. В деле *People v. Gutman* 2011 года, IL 110338, Верховный суд штата Иллинойс в Соединенных Штатах истолковал значение термина «доходы» в контексте преступлений, связанных с отмыванием денег. Верховный суд штата Иллинойс сослался на прецедент Верховного суда Соединенных Штатов по делу *United States v. Santos*, 553 U.S. at 532, 548 (2008), в рамках которого мнения членов Суда узко разделились в отношении значения понятия «доходы». В конечном итоге большинство членов Суда предпочли в этом деле определение понятия «прибыль». Четыре несогласных судьи по делу *Santos* указали на то, что «доходы» являются одним из основных положений законов об отмывании денег и что в каждом из этих законов, содержащих определение, это слово означает «общую сумму полученных средств». Важно отметить, что, как было подчеркнуто Верховным судом штата Иллинойс, несогласные судьи в деле *Santos* нашли поддержку своей позиции в статье 6 Конвенции об организованной преступности, касающейся отмывания денег, отметив, что в Конвенции термин «доходы» определяется как «любое имущество, приобретенное или полученное, прямо или косвенно, в результате совершения какого-либо преступления», и тем самым охватывает все поступления. Четыре несогласных судьи в деле *Santos* заявили, что «важнейший договор о международном отмывании денег, каким является Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности,.. носит инструктивный характер... В Конвенции термин “доходы” определяется как “любое имущество, приобретенное или полученное, прямо или косвенно, в результате совершения какого-либо преступления”. Таким образом, положение Конвенции об отмывании денег охватывает все поступления». Верховный суд штата Иллинойс далее отметил, что после решения, принятого по делу *Santos*, Конгресс Соединенных Штатов внес поправку в закон об отмывании денег, добавив в него определение термина «доходы». Конгресс принял позицию несогласных, и теперь в федеральном законодательстве «доходы» определяются как «любое имущество, приобретенное или полученное, или удерживаемое, прямо или косвенно, в результате какой-либо незаконной деятельности, включая все поступления от такой деятельности». Таким образом, федеральное законодательство об отмывании денег теперь может быть добавлено в список законов об отмывании денег по делу *Santos*, в которых используется определение термина «все поступления».

29. В Индии в деле 2016 года *Kavitha G. Pillai v. The Joint Director*, M.F.A. No. 11, один из вопросов, рассмотренных Высоким судом в его решении, заключался в том, предусматривает ли Закон о предотвращении отмывания денег 2002 года перенос бремени доказывания или нет.

30. При обсуждении этого вопроса Суд изучил источники преступлений, связанных с отмыванием денег, и особо отметил соответствующие нормы международного права. Он отметил, что большинство государств являются участниками Конвенции 1988 года и Конвенции против организованной преступности. Суд заявил, что Конвенция 1988 года ограничивает основные правонарушения правонарушениями, связанными с незаконным оборотом наркотиков, в то время как Конвенция об организованной преступности требует, чтобы государства-участники применяли положения, касающиеся признанных в этой Кон-

венции правонарушений, связанных с отмыванием денег, к «самому широкому кругу основных правонарушений». Далее Суд рассмотрел значение формулировки «самый широкий круг правонарушений, которые должны быть включены в число основных правонарушений». Суд руководствовался рекомендациями Группы разработки финансовых мер борьбы, которая определила 20 категорий основных правонарушений. Он отметил, что для цели отмывания денег государства могут по собственному усмотрению решать, какие правонарушения являются основными правонарушениями.

31. Затем Суд рассмотрел вопрос о переносе бремени доказывания в Законе о предотвращении отмывания денег 2002 года, в котором было указано, что «в случае предъявления лицу обвинения в совершении преступления в форме отмывания денег в соответствии с разделом 3 Компетентный орган или суд, если не доказано обратное, исходят из того, что такие доходы от преступлений связаны с отмыванием денег». Суд далее отметил, что такой перенос бремени доказывания предусмотрен в Конвенции об организованной преступности.

IV. Судебная практика, связанная с положениями Конвенции об организованной преступности, касающимися юрисдикции

32. Правонарушители часто совершают действия на территории более чем одного государства и пытаются избежать конкретной юрисдикции, перемещаясь между государствами. Главная задача международного сообщества заключается в обеспечении того, чтобы ни одно серьезное преступление не оставалось безнаказанным и чтобы все эпизоды преступления были наказаны, независимо от того, где они были совершены и сколько границ было пересечено. Юрисдикционные пробелы, которые позволяют скрывающимся от правосудия лицам находить убежище, должны быть восполнены или устранены. В тех случаях, когда преступная группа действует в нескольких государствах, которые могут обладать юрисдикцией в отношении поведения этой группы, международное сообщество стремится обеспечить наличие механизма, позволяющего этим государствам содействовать координации их соответствующих усилий. Вопрос о юрисдикции в отношении уголовного преследования и наказания за преступления, признанные таковыми в соответствии с Конвенцией об организованной преступности, рассматривается в статье 15 Конвенции.

33. В деле *Equatorial Guinea v. France*, которое рассматривалось Международным судом, Экваториальная Гвинея опиралась на статью 4 Конвенции об организованной преступности (Защита суверенитета), в частности на пункт 1 статьи 4, согласно которому «Государства-участники осуществляют свои обязательства согласно настоящей Конвенции в соответствии с принципами суверенного равенства и территориальной целостности государств и принципом невмешательства во внутренние дела других государств». Аспект разногласий, в связи с которыми была сделана ссылка на статью 4, заключался в вопросе об иммунитете ответчика, а именно должностного лица государства, от юрисдикции в соответствии с принципами, упомянутыми в этой статье.

34. Второй вопрос, имеющий отношение к данному делу, касался признания Францией отмывания денег уголовно наказуемым деянием и установления ею юрисдикции в отношении этого правонарушения применительно к самому широкому кругу основных правонарушений, включая правонарушения, совершенные за пределами юрисдикции.

35. Что касается первого вопроса, то Экваториальная Гвинея утверждала, что требования, касающиеся иммунитетов государств и государственных должностных лиц, подпадают под действие положений статьи 4. По второму вопросу Экваториальная Гвинея утверждала, что внутреннее законодательство Франции чрезмерно расширяет юрисдикцию в нарушение статьи 4, если рас-

смагивать ее в сочетании с некоторыми другими положениями. В связи с вопросом о юрисдикции согласно Конвенции об организованной преступности Суд, рассмотрев различные материалы по толкованию, подготовленные УНП ООН, поддержал возражение Франции и пришел к выводу, что пункт 1 статьи 4, накладывая обязательство, «содержит ссылку не на обычные международные нормы, включая государственный иммунитет, которые вытекают из суверенного равенства, а на сам принцип суверенного равенства». Конкретные положения Конвенции помогают координировать, но не направляют действия государств-участников. По второму вопросу о чрезмерном расширении юрисдикции в отношении признания Францией отмывания денег уголовно наказуемым деянием в связи с самым широким кругом основных правонарушений, включая правонарушения, совершенные за пределами юрисдикции, Суд пришел к выводу о том, что он не обладает соответствующей юрисдикцией по этому вопросу.

V. Судебная практика, касающаяся положений Конвенции о конфискации

36. Признание уголовно наказуемым поведение, в результате которого извлекаются значительные незаконные доходы, не обеспечивает надлежащего наказания или сдерживания деятельности организованных преступных групп. Даже в случае ареста и осуждения некоторые из таких преступников все равно могут пользоваться своей незаконной прибылью в личных целях и для поддержания деятельности своих преступных предприятий. Несмотря на некоторые санкции, по-прежнему будет существовать мнение о том, что в таких обстоятельствах преступность приносит свои плоды и что правительства неэффективно изымают средства, идущие на продолжение деятельности преступных групп.

37. Необходимы практические меры для удержания правонарушителей от извлечения выгоды из своих преступлений. Одним из наиболее важных способов для достижения этой цели является обеспечение того, чтобы в государствах действовали эффективные режимы конфискации, предусматривающие выявление, замораживание, арест и конфискацию незаконно приобретенных средств и имущества. Эффективные и действенные меры в отношении доходов от преступлений могут служить мощным сдерживающим фактором и в значительной мере способствовать в первую очередь восстановлению справедливости, устраняя стимулы, побуждающие преступников заниматься незаконной деятельностью. Необходимы также конкретные механизмы международного сотрудничества, позволяющие странам приводить в исполнение постановления о замораживании и конфискации иностранных активов и обеспечивать наиболее рациональное использование конфискованных доходов и имущества. Существуют значительные различия в методах и подходах, применяемых в различных правовых системах для обеспечения возможности конфискации.

38. Европейский суд по правам человека обсудил постановления о конфискации без вынесения обвинительного приговора в контексте соответствующих международных документов по делу 2018 года *G.I.E.M. S.R.L. and Others v. Italy* (Application No. 1828/06 and two others). Суд сослался, в частности, на статью 12 Конвенции об организованной преступности и заявил, что «для обеспечения более эффективной борьбы с трансграничной преступностью, организованной преступностью и другими серьезными преступлениями были созданы различные процессуальные способы конфискации». Наиболее важными положениями международного права, касающимися конфискации, являются статья 37 Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года; статья 5 Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года; статьи 77 § 2 (b), 93 § 1 (k) и 109 § 1 Римского статута Международного уголовного суда, учрежденного в 1998 году; статья 8 Международной конвенции 1999 года о борьбе

с финансированием терроризма; статья 12 Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности 2000 года; статья 31 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 года; и статья 16 Конвенции Африканского союза 2003 года о предупреждении коррупции и борьбе с ней».

39. Суд далее отметил, что «изучение этих международных соглашений свидетельствует о всеобщем признании принципа конфискации физического объекта преступления (*objectum sceleris*), инструментов, используемых для совершения преступления (*instrumentum sceleris*), доходов от преступлений (*productum sceleris*) или другого имущества эквивалентной стоимости (“конфискация стоимости”) доходов, которые были преобразованы или смешаны с другим имуществом, и любых доходов или других выгод, получаемых косвенным образом от доходов. Все эти меры по конфискации зависят от вынесенного ранее приговора. Меры по конфискации не могут быть применены к юридическим или физическим лицам, не являющимся участниками производства, за исключением случаев, когда речь идет о третьих лицах, не имеющих защиты *bona fide*». Исходя из этого, Суд заявил, что конфискация без вынесения обвинительного приговора является исключительным случаем в международном праве. Он высказал мнение о том, что «среди вышеупомянутых документов лишь в пункте 1 (с) статьи 54 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 года рекомендуется, чтобы стороны для целей взаимной правовой помощи рассмотрели вопрос о принятии таких мер, которые могут быть необходимы для обеспечения возможности конфискации имущества без вынесения уголовного приговора в случаях, когда правонарушитель не может быть привлечен к уголовной ответственности “в связи со смертью, бегством или отсутствием или в других соответствующих случаях”».

40. Эта общая позиция, принятая в конвенциях, на которые ссылался Суд, стала центральным обоснованием для его заключения по претензии заявителя в отношении статьи 7 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Суд пришел к выводу, что «с учетом принципа невозможности наказания лица за деяние, влекущее уголовную ответственность другого лица, мера конфискации, применяемая, как и в настоящем деле, к физическим или юридическим лицам, не являющимся участниками производства, несовместима со статьей 7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод».

VI. Судебная практика, касающаяся положений о международном сотрудничестве Конвенции об организованной преступности

41. Всеобъемлющее, межведомственное и гибкое трансграничное сотрудничество имеет важнейшее значение для обеспечения надлежащего расследования и уголовного преследования преступлений, связанных с транснациональной организованной преступностью. Международное сотрудничество в уголовных делах осуществляется тогда, когда государства обмениваются информацией и ресурсами для достижения общей цели борьбы с организованными преступными группами и их преступной деятельностью.

42. Конвенция об организованной преступности содержит ряд мер, направленных на создание возможностей для международного сотрудничества между государствами-участниками и содействие такому сотрудничеству. Эти меры включают выдачу (статья 16), взаимную правовую помощь (статья 18), передачу осужденных лиц (статья 17), совместные расследования (статья 19), передачу уголовного производства (статья 21) и сотрудничество между правоохранительными органами (статья 27). Приведенные ниже дела подчеркивают актуальность Конвенции как правовой основы международного сотрудничества с уделением особого внимания выдаче и взаимной правовой помощи.

43. Вопрос о том, как Конвенция об организованной преступности может быть использована для выдачи беглеца при отсутствии двустороннего (или иного) договора о выдаче между двумя государствами, лежит в основе дела, рассмотренного Верховным судом Британской Колумбии в 2013 году. Обвиняемый по этому делу якобы оказывал содействие в планировании ограбления почтового автомобиля в Гданьске, Польша, 5 октября 1999 года, которое было совершено организованной преступной группой. Далее утверждалось, что он участвовал в более раннем ограблении, которое привело к его участию в этой группе и ограблению в 1999 году. Обвиняемый был задержан в Канаде. В отсутствие какого-либо двустороннего договора о выдаче Польша добивалась его выдачи на основании статьи 16 Конвенции. Верховный суд Британской Колумбии одобрил выдачу обвиняемого по делу 2013 года *Poland (Republic) v. Grynja*, BCSC 1203. Затем обвиняемый подал ходатайство о приостановлении производства по делу в соответствии с Канадской хартией прав и свобод, утверждая, что Польша неправомерно использовала Конвенцию в качестве «лазейки» для осуществления его выдачи в связи с преступлением согласно польскому внутреннему законодательству, в отношении которого не существует двустороннего договора с Канадой. Суд не нашел злоупотребления процедурой и отклонил аргументы по делу 2013 года *Poland (Republic) v. Grynja*, BCSC 1777. Впоследствии обвиняемый был выдан Польше по обвинению в грабеже и участии в деятельности организованной преступной группы и совершении преступлений, подлежащих уголовному наказанию.

44. Об актуальности Конвенции об организованной преступности наглядно свидетельствует также дело 2007 года с участием Объединенных Арабских Эмиратов и Нидерландов. Запрос о выдаче, поданный Объединенными Арабскими Эмиратами, последовал за вооруженным ограблением ювелирного магазина в торговом центре в Дубае в 2007 году. Украденные из магазина драгоценности и часы оценивались в 14,7 млн дирхамов Объединенных Арабских Эмиратов. Предполагалось, что подозреваемый в этом деле входил в состав пресловутой группы, которая специализировалась на кражах и ограблениях ювелирных магазинов в целом ряде стран. Когда Объединенные Арабские Эмираты впервые обратились с просьбой о выдаче подозреваемого, Нидерланды отказали в ее удовлетворении при отсутствии каких-либо правовых оснований. Впоследствии Объединенные Арабские Эмираты ратифицировали Конвенцию и вновь направили Нидерландам запрос о выдаче. Высокий суд в Гааге удовлетворил ходатайство на основании Конвенции, и подозреваемый был выдан в феврале 2009 года. Однако в ходе более поздних расследований выяснилось, что это лицо не было причастно к хищению.

45. В рамках еще одного дела, касающегося Гватемалы, Коста-Рики, Никарагуа и Сальвадора, национальные власти этих четырех государств сотрудничали в проведении крупного расследования по факту незаконного оборота наркотиков. Дело касалось организованной преступной группы, которая управляла незарегистрированной грузовой компанией, предлагавшей транспортные услуги между этими государствами Центральной Америки и Мексикой. В период 2004–2008 годов власти Коста-Рики и Никарагуа провели семь отдельных операций, в результате которых было конфисковано в общей сложности 3 800 кг кокаина и 2 млн 219 тыс. долл. наличностью. На основе Конвенции об организованной преступности и Конвенции 1988 года компетентные органы обратились с просьбой о взаимной правовой помощи для получения целого ряда документов и досье, включая банковские записи, показания свидетелей и заверенные документы. Несколько обвиняемых впоследствии предстали перед судом в Сан-Мигеле (Сальвадор) по обвинению в незаконном обороте наркотиков, сговоре и преступном сговоре, участии в организованной преступной группе, а также в различных таможенных преступлениях.

VII. Последующие меры и возможные рекомендации

46. Государствам, которые еще не сделали этого, следует рассмотреть вопрос о ратификации Конвенции об организованной преступности и протоколов к ней, с тем чтобы в полной мере воспользоваться положениями Конвенции.

47. В рамках подготовки к Механизму обзора хода осуществления Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и протоколов к ней государства, возможно, пожелают обновить свои документы на портале управления знаниями ШЕРЛОК.

48. Государства, возможно, рассмотрят вопрос о принятии дополнительного теста прецедентного права в отношении применения и внутреннего законодательства об осуществлении Конвенции об организованной преступности и протоколов к ней в отношении ШЕРЛОК.

49. Государства, возможно, пожелают рассмотреть вопрос о предоставлении внебюджетных ресурсов для дальнейшего развития и обслуживания портала ШЕРЛОК в целях содействия осуществлению Конвенции об организованной преступности и протоколов к ней и активизации обмена информацией об извлеченных уроках и трудностях, связанных с осуществлением этих документов.
